

М. А. Клинова

Эволюция образа трудовой деятельности населения в газете «Правда» (1946–1953 годы)

Актуальный вектор современных научных разработок — исследование механизмов и инструментов функционирования советского пропагандистского аппарата, посредством которых осуществлялась мобилизация советского социума на решение поставленных властью экономических, социальных и внешнеполитических задач¹. Каналы, через которые осуществлялась пропаганда в СССР, были различны: лекции и выступления агитаторов, радио, телевидение и пр. Важнейшим элементом советского пропагандистского аппарата выступали материалы печатных СМИ. Через тексты и визуальные образы, помещенные на страницах газет и журналов, транслировались идеологические и экономические императивы власти, этические и нравственные нормы, формировались образы «героев» и «врагов» советского социума.

Ведущее место в иерархии печатных СМИ советского периода занимала «Правда» — печатный орган ЦК ВКП(б) (с октября 1952 г. — ЦК КПСС), наиболее массовая и популярная ежедневно издаваемая советская газета. Социальной востребованностью и влиятельностью газеты была обусловлена ее важность как инструмента советской пропаганды. Безусловно, на основе материалов «Правды» нельзя делать заключения о работе всего пропагандистского аппарата СССР, но магистральные

Клинова Марина Александровна
канд. ист. наук,
доц., Уральский
государственный
экономический
университет
(Екатеринбург,
Россия)

тенденции развития информационного и идеологического континуума, конструируемого советской пропагандой, отражались на страницах издания.

В данной статье на основе анализа текстов газеты «Правда» 1946–1953 гг., посвященных трудовой деятельности населения, мы попытаемся реконструировать образ «правильной» (эталонной) трудовой стратегии граждан, выявить специфику ее презентации на страницах газеты, проследить динамику изменений транслируемого трудового эталона, произошедших в 1946–1953 гг.

Для реализации поставленных задач использованы количественные и качественные методы. Приоритетным количественным методом обработки материала стал контент-анализ, дающий возможность установить частотность лексических форм в сюжетах трудовой тематики. Количественный анализ дополнялся качественным анализом материалов, что позволило учесть содержательный контекст употребления тех или иных идеологем и категорий. Сочетание количественных и качественных методов анализа дало возможность обнаружить эксплицитную и имплицитную динамику эталона трудовой деятельности граждан, конструируемого на страницах «Правды» в 1946–1953 гг. Для обработки текстов «Правды» использована частотная выборка: 2 выпуска в месяц (24 выпуска в год). Анализировались 1-й и 15-й выпуски каждого месяца. Выбор выпусков не случаен: на первые числа месяцев приходились праздники (1 января, 1 мая), а также снижения цен (1949–1953 гг.), что обуславливало актуализацию проблем труда и благосостояния в данных номерах. Обращение к ним способствовало расширению спектра коннотаций исследуемых категорий, позволяя провести качественный анализ материалов, хотя включение данных номеров в выборку, несомненно, внесло коррективы в количественные результаты контент-анализа. Общее число рассмотренных материалов издания за 1946–1953 гг. составило 192 выпуска.

Трудовая деятельность — одна из основных тем публикаций «Правды» 1946–1953 гг. Количество сюжетов, освещавших трудовые практики населения, в первые послевоенные годы превышало 50 % от общего количества публикаций в одном номере (1946 г. — 50,7 %, 1949 г. — 58 %). В 1950-е годы количество «трудовых» сюжетов несколько снижается (1950 г. — 40 %, 1953 г. — 28,5 %), тем не менее показатели достаточно высоки. По-видимому, фиксируемая динамика была обусловлена спецификой восстановительного периода. В 1940-е годы в решении задач послевоенного восстановления народного хозяйства ведущая роль отводилась трудовой деятельности граждан, что влекло за собой высокий уровень востребованности «трудовых» сюжетов, призванных выполнять мобилизационную функцию. Завершение восстановительного периода в 1950-е годы обусловило некоторое снижение интенсивности обращения к данной теме.

Магистральный вектор реализации трудовых стратегий граждан определялся политическими установками руководства страны. В Обращении ЦК ВКП(б) ко всем избирателям в связи с выборами в Верховный Совет СССР (2 февраля 1946 г.) подчеркивалось: «Еще много труда и энергии должен затратить наш народ, чтобы залечить раны, нанесенные нашей стране фашистскими извергами. Перед советским народом стоит задача — полностью восстановить

разрушенные врагом фабрики, заводы, электростанции...»². Более конкретные результаты трудовой деятельности граждан по отдельным отраслям народного хозяйства были обозначены в текстах пятилетних планов³. Образ «правильной» трудовой деятельности населения, конструируемый на страницах «Правды», отчасти определялся означенными установками, но не исчерпывался ими, включая в себя и элементы неполитической природы, конкретизирующие мотивацию, должное отношение человека к труду и пр.

Освещение трудовых практик советского населения на страницах «Правды» в 1946–1953 гг. реализовывалось в рамках различных жанровых форм: от сообщений с трудовых фронтов страны и интервью с передовиками до очерков, подчеркивающих специфику социалистического труда, и рассказов, романтизирующих трудовую проблематику. Предпринятый анализ текстов «Правды» 1946–1953 гг. позволил выделить отдельные понятия и категории, обладающие положительными коннотациями и отличающиеся высокой интенсивностью употребления в «трудовых» сюжетах.

Достаточно высока частота упоминаний на страницах «Правды» 1946–1953 гг. практик выполнения и перевыполнения гражданами трудовых норм и обязательств. Единицами предпринятого контент-анализа выступали следующие лексические формы: *досрочное выполнение, сверх плана, перевыполнение норм, выполнение плана* и т. п. Показатели частотности их использования были суммированы и объединены в группу *выполнение планов* (здесь и далее см. таблицу, в которой собраны полученные нами данные). Лексические формы этой группы количественно преобладали над всеми остальными выделенными группами и категориями (1305 упоминаний), презентуя *выполнение норм* в качестве главной характеристики «правильного» труда советского человека. Необходимость выполнения планов определялась как «важнейшая» задача, решением которой ежедневно должен быть занят каждый советский человек на своем «трудовом посту»: «Бороться за выполнение пятилетнего плана — это значит добиваться ежесуточного и ежемесячного выполнения производственного задания на каждом предприятии»⁴. Количественное преобладание лексических форм данной группы не в последнюю очередь было обусловлено их приоритетностью для государства — выполнение населением трудовых норм и плановых заданий являлось важным аспектом экономического развития страны.

Еще одна характеристика трудовой деятельности граждан — *производительность труда*. Обращение к данной категории фиксируется в правительственных докладах, заметках, публицистических статьях и текстах социалистических обязательств населения: «развернем борьбу за дальнейший рост производительности труда»⁵; «кировцы... дали слово... на 4 % против плана повысить производительность труда»⁶ и т. п. Наибольшая количественная востребованность данной идеологемы обнаруживается в 1948 г. — 98 упоминаний. Как правило, в материалах «Правды» 1946–1953 гг. говорится о повышении производительности труда граждан. Единичные упоминания о снижении производительности труда (суммарно менее 15 упоминаний в рамках выборки 1946–1953 гг.) встречаются в статьях, содержащих критику местного партийного или хозяйственного руководства.

Таблица

Количественное распределение отдельных идеологем и групп лексических форм в сюжетах «Правды» 1946–1953 гг., посвященных трудовой деятельности населения (по результатам контент-анализа)

	Тематические группы				Отдельные идеологемы						
	Выполнение планов, норм	Труд на благо Родины	Труд — преодоление, борьба	Доходы, оплата труда	Долг	Подвиг (героизм)	Труд — радость (счастье)	Производительность труда	Социалистическое соревнование	Стахановец	Благополучие
1946	282	46	46	3	6	5	17	32	124	46	7
1947	323	31	109	8	9	8	8	37	78	66	13
1948	165	25	108	5	12	17	8	98	81	36	22
1949	122	34	99	4	4	9	27	61	97	53	23
1950	112	20	54	2	7	8	30	52	55	42	17
1951	127	40	51	6	5	5	28	74	45	50	15
1952	106	25	55	4	2	5	10	35	91	44	18
1953 (01.01–01.03)	18	4	16	–	2	5	11	10	15	–	4
1953 (15.03–15.12)	50	8	27	18	3	1	1	15	22	2	45
Итого	1305	233	565	50	50	63	140	414	608	339	164

В ряду методов повышения производительности труда на страницах издания фигурировали: техническое перевооружение, усовершенствование технологии производства, социалистическое соревнование и пр. В качестве лексической единицы предпринятого контент-анализа была выделена категория *социалистическое соревнование*, отличающаяся значительной количественной востребованностью в текстах «Правды» — более 600 упоминаний. Характерные черты и принципы социалистического соревнования были сформулированы Сталиным еще в 1929 г.: «...одни работают плохо, другие хорошо, третьи лучше, — догоняй лучших и добейся общего подъема»⁷. Важность и абсолютная эффективность метода социалистического соревнования многократно подчеркивалась на страницах издания: «...у советских людей есть испытанный метод коммунистического труда, преодолевающий на своем пути все преграды. Это — социалистическое соревнование»⁸; «это могучая движущая сила нашего

развития»⁹ и т. п. Состязательность и высокая скорость труда презентовались как непрменные составляющие трудовых стратегий советских граждан и неотъемлемые черты социалистического уклада. П. Павленко в статье «Героический путь» пишет: «Помимо всех прочих качеств, социализм замечателен тем, что в нем от замысла до осуществления на деле, от первого расчета на бумаге до последнего удара молотком — дистанция короткая. Социализм создает быстро... Социализм удлинит человеческую жизнь уже одним тем, что сделал ее более емкой»¹⁰.

Признанными лидерами высокоскоростного труда по праву считались стахановцы. На страницах «Правды» 1946–1953 гг. идеологема *стахановец* встречается достаточно часто — более 300 упоминаний в рамках выборки (включая лексические варианты данного понятия — *стахановская вахта*, *стахановский труд* и пр.). Стахановские трудовые практики — пример проявления эталонной трудовой стратегии советского человека, когда вся жизнь индивида была направлена на максимально эффективное решение трудовых задач. Достаточно показательны в этом плане тексты интервью со стахановцами, их рассказы о себе. Модельщик завода «Электросила», депутат Верховного Совета СССР А. Козлов замечает: «Наше модельное дело трудное... Без огонька в труде, без стахановской смекалки далеко не уйдешь. Получишь задание изготовить новую модель, так думаешь о ней всюду, дома и в трамвае. Комбинируешь, как лучше ее сделать...»¹¹ На страницах издания факты перевыполнения стахановцами норм выработки презентовались не только как эталонные практики труда, но и как проявления истинного патриотизма и служения Родине (Сталину, партии, народу): «Свою любовь к товарищу Сталину... мы проявляем в стахановском труде»¹².

В текстах «Правды» послевоенных лет сохраняется традиция, укоренившаяся в СССР еще в 1920–1930-е годы, в русле которой реалии советской повседневности определяются через категории экстремума¹³. Идеи «борьбы» и «преодоления», пронизывающие всю советскую социальную событийность, фиксируются и в сюжетах газеты, посвященных трудовой деятельности граждан. Характерными формами презентации трудовых практик выступают коннотации труда-преодоления, труда-подвига, труда, для выполнения которого приложены максимальные усилия: «преодолевая серьезные трудности, не жалея своих сил, советские люди реализуют предначертания своего вождя»¹⁴; «самоотверженный труд в истекшем... году умножил социалистическое, народное богатство»¹⁵. Лексические формы, используемые при описании трудовых свершений граждан: *борьба*, *самоотверженный (труд)*, *не жалея сил* (усилий, жизни), *не покладая рук*, *без сна и отдыха*, *превозмогая себя*, *с максимальным напряжением*, *преодолевая трудности*, *на грани возможного* и т. п. — были суммированы, составив группу *труд — преодоление*. Лексические формы данной группы отличались максимальной востребованностью на страницах издания в 1947–1948 гг. Употребление категорий экстремума, описывающих накал физического и духовного напряжения человека, не зависело от направленности его трудовой деятельности. «Самоотверженным» и «напряженным» был труд и на пашне, и на заводе, и на стройке. Рутинность и будничность труда, на-

прямою не связанного с риском для жизни, не уменьшала масштабов трудового подвига. Сами понятия *подвиг* и *героизм* также достаточно часто использовались при описании трудовых практик советского человека. Наиболее высокая частота их употребления на страницах «Правды» фиксировалась в 1948 г. — 17 упоминаний. Трудовой героизм советских граждан сакрализировался и мифологизировался, презентовался в качестве отличительной черты советского социума: «Героизм — этот орлиный взлет человеческого духа — становится массовым явлением в социалистическом обществе. Героизм говорит о могучей силе... о красоте, о величии этой общества. Не может быть героем буржуа с его мелкотравчатой душонкой»¹⁶.

Е. В. Сальникова замечает, что в советском дискурсе различные формы экстремальности презентовались в качестве нормального и даже положительного явления, обозначая проекцию марксизма, в котором борьба выступала движущей силой социального прогресса¹⁷. Предпринятый анализ материалов «Правды» 1946–1953 гг. позволяет согласиться с данным утверждением. На страницах газеты практики напряженного и самоотверженного труда, кульминирующего в трудовых подвигах, определялись исключительно через положительные характеристики. Более того, чем труднее и напряженнее была деятельность, тем она виделась более приемлемой, предпочтительной и «правильной» для советского человека. Работа на самых «трудных участках», как правило, украшала трудовые биографии передовиков и стахановцев. В свою очередь, определение «легкий» раскрывалось скорее через негативные характеристики. Так, в одном из выпусков «Правды» автор очерка, рассуждая о строительстве судоходных каналов в капиталистических странах, резюмирует: «Каналы эти давно построены... Это было сравнительно легкое и простое дело»¹⁸. В контексте «трудовых» сюжетов «Правды» антонимы *трудный* — *легкий* были поляризованы в рамках системы *предпочтительно* — *неприемлемо*, формируя устойчивые связи: *трудный* — *предпочтительный*, *легкий* — *неприемлемый*. Антагонистичность категорий *трудный* — *легкий* усиливалась путем их синхронизации с магистральной антитезой советского дискурса: *социализм* — *капитализм*. В результате политически не ангажированная пара антонимов приобретала идеологическую окраску, наделялась соответствующими политизированными смыслами и оценочными характеристиками.

Согласно «правильной» трудовой стратегии советского человека, конструируемой системой советской пропаганды, практики самоотверженного трудового подвижничества не трактовались как мученичество и самоуничтожение, уравниваясь радостью труда-созидания. И. Калинин приходит к выводу, что в сталинский период смех и веселье не противопоставлялись трудовому героизму, а были синонимичны ему, выступая эквивалентом ударного труда¹⁹. Гипотеза, предложенная И. Калининным, подтверждается материалами «Правды» 1946–1953 гг. Анализ текстов издания позволил зафиксировать высокую частоту употребления понятий *радость* и *счастье* в контексте сюжетов трудовой тематики (140 упоминаний). Веселье и радость не были детерминированы результатами труда — эти понятия встречаются в текстах сюжетов, не связанных с тематикой трудовых рекордов. На страницах «Правды» о трудовой

радости, как правило, повествуют сами трудящиеся в опубликованных обращениях к вождю, интервью и текстах социалистических обязательств. Именно о таком труде говорит стахановец трансформаторного завода Т. Галкин: «Труд для нас — радость. В нем проявляются наша патриотическая доблесть и гражданское достоинство»²⁰.

Взаимосвязь физической трудовой деятельности и эмоционального ощущения радости не становилась физиологически-рефлекторной. Радость советского человека была осмысленной. Она жила на переживании и осознании ряда идеологических, нравственных, духовных и этических ценностей, обладающих непреложной значимостью в рамках дискурса. Д. Заславский в статье «Радость Первомай» отмечает «компоненты» данного чувства и специфику его формирования в советском социуме: «Радость социализма — чувство сложное. Есть в нем торжество победителей, счастье строителей нового общества, вера в будущее, неистощимый оптимизм. Есть в нем радость творчества... Впервые на земле социализм создал чистую радость коллективного, народного творчества... Каждый создает свое новое, каждый создает, переживает процесс творчества с его трудностями, успехами и неудачами, взлетами мысли и падениями — и сладость победы, радость творчества. И из этого вырастает общая, всенародная радость, которая рвется наружу, бьет ключом»²¹.

В приведенном тексте обозначены два компонента, составляющих *трудовую радость* советского человека.

Первый из этих компонентов — *творчество*. «Труд как творчество» становится одним из главных идеологических и художественных топосов эпохи, фиксируясь в том числе на страницах «Правды». Характерно, что трудовая деятельность трактовалась как творческая вне зависимости от ее фактической креативности. Повседневные трудовые практики советского человека на заводе или стройке определялись как творческие проявления: «одухотворенный, творческий труд советских людей прекрасен при всей будничности»²². Трудовое творчество способствовало максимально полной реализации талантов и способностей граждан. Автор одной из заметок говорит: «Советский человек имеет все возможности, чтобы развернуть свои способности и таланты в свободном творческом труде»²³.

Второй компонент, составляющий «трудовую радость» советского человека, — *связь личности с коллективом*. Корреляция личного и коллективного, продуцирующая радость труда, существовала в нескольких формах. Во-первых, коллектив был признанной формой трудовой активности граждан, поэтому радость, продуцируемая в результате труда, не становилась изолированной эмоцией индивида. Личные радостные переживания советских граждан суммировались в коллективе, приобретая формат коллективной трудовой эйфории. Во-вторых, радость у советского человека вызывали труд на благо общества и ощущение значимости личного трудового вклада в общее коллективное дело. Этот аспект *трудовой радости* часто встречается в текстах писем и интервью с учащимися, стахановцами и лауреатами Сталинской премии. Учащаяся ремесленного училища С. Скворцова пишет: «Большим счастьем для меня... будет сознавать, что в каждом паровозе, в каждом корабле есть и моя,

хотя бы небольшая, доля труда»²⁴. Аналогичная риторика фиксируется в статье народной артистки СССР А. Тарасовой «Наше великое счастье»: «Нет большего счастья для художника, чем служение своему народу. Нет большей радости, чем сознание, что твой труд помогает людям строить новую жизнь, идти в коммунистическое завтра»²⁵. Служение обществу и важность результатов личного труда для коллектива не только приносили *радость*, но и составляли *счастье* трудящегося.

Главным проектом коллективного творчества, реализуемым в СССР, было построение коммунизма, личное участие в котором также определялось как *счастье* советского человека. Данный компонент счастья советских трудящихся подчеркивает К. Федин в статье «Человек земли советской»: «Советский человек счастлив тем, что может и будет свободно творить новую жизнь — своими руками и своим мозгом, своим воображением, своими наукой и искусством, своими машинами на фабриках, заводах и машинами на полях и морях. Будет творить коммунизм»²⁶. Таким образом, индивидуальная деятельностная стратегия советского человека синхронизировалась с векторностью государственного строительства. Движение к коммунизму определялось как тождественное продвижению к счастью и сущностно — как само счастье советского трудящегося.

На страницах «Правды» рассматривается и проблематика «правильной» трудовой мотивации граждан. Достаточно высока интенсивность употребления категории *долг*. Трудовая деятельность презентуется как долг отдельных групп советского социума (рабочих, комсомольцев, специалистов, колхозников, учителей, угольщиков, железнодорожников и пр.) и каждого человека. В текстах обращений к населению представителей власти данная категория выражается в призыве «Выполнить свой долг!» Значительная количественная востребованность понятия фиксируется в текстах социалистических обязательств, принятых трудовыми коллективами: «Чувство долга перед Родиной, безграничная любовь к товарищу Сталину воодушевляют... на новые трудовые подвиги»²⁷. В праздничных выпусках газеты пафос риторики еще более усиливался, а масштабы трудового долга достигают эпических форм: «...наши цели велики и благородны и силы наши множатся с каждым днем... Победители в войне преображают родную землю. Новая сталинская пятилетка будет выполнена в четыре года. Мы — сталинское племя. И мы выполним свой долг перед отчизной, перед всем человечеством, перед историей»²⁸. Наиболее высокая интенсивность употребления категории долг обнаруживается в 1947 г. — 9, и в 1948 г. — 12 упоминаний.

На страницах «Правды» приоритетные позиции в качестве цели и мотивации трудовой деятельности занимают лексические формы, которые условно можно объединить в группу *труд на благо Родины* — более 230 упоминаний в рамках выборки. Единицами контент-анализа выступали лексические формы, в которых трудовые свершения населения были направлены на *благо* (*процветание, усиление мощи, богатства* и т. п.), *Родины* (*государства, страны, отечества, отчизны*). Именно благополучие Родины являлось приоритетной задачей напряженного и самоотверженного труда, а также целью выполнения

трудового долга советских граждан. Обращает на себя внимание то, что более половины входящих в данную группу лексических форм фиксируется в текстах интервью с передовиками и материалах обращений трудовых коллективов к Сталину, содержащих обещания еще более интенсивного труда: «Мы будем трудиться еще лучше, еще больше, еще упорнее, чтобы крепла и расцвела наша любимая Родина»²⁹; «Удвою, утрою свои усилия, чтобы еще ярче расцвела родная страна»³⁰.

Утилитарная направленность трудовой деятельности граждан на получение личных доходов и улучшение своего благосостояния не фигурирует на страницах издания в качестве одобряемой мотивации трудовых стратегий.

В то же время на страницах «Правды» встречается обращение к проблеме материального благосостояния. Импульсом к актуализации данной темы во второй половине 1940-х годов стали правительственные мероприятия, повысившие материальную заинтересованность трудящихся: введение системы премирования рабочих, ИТР и служащих, повышение заработной платы городского населения, отмена карточного снабжения, снижения цен. В опубликованном на страницах издания Постановлении Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О новом снижении с 1 марта 1949 г. государственных розничных цен на товары массового потребления» отмечалось: «В результате снижения цен... значительно поднимется покупательная способность рубля... повысится заработная плата рабочих и интеллигенции»³¹. Аналогичная риторика фиксируется в текстах постановлений о ценовых снижениях в 1950–1953 гг.³² Несмотря на проводимые мероприятия, в период с 1946 по март 1953 г. количество сюжетов, посвященных заработной плате граждан, было невелико, а объемы доходов описывались достаточно пространными (но всегда положительными) категориями: «много денег», «много хлеба и денег» и т. п.³³

При рассмотрении проблем личных доходов граждан в советском дискурсе 1946–1953 гг. формулировался тезис о детерминированности их объемов уровнем общественного благосостояния (государства, предприятия, колхоза). На страницах «Правды» суждения, определяющие данную взаимозависимость, выстроены как цепочки причинно-следственных связей: «Расширяется и крепнет общественное хозяйство артели, увенчивается стоимость трудодня колхозников, улучшается их материальное благосостояние»³⁴; «Чем крепче наша страна, тем лучше жить советскому человеку»³⁵. Лексическая связка *благосостояние Родины — благосостояние народа*, указывающая на приоритетность и последовательность «правильного» роста благосостояния, оставалась достаточно устойчивой и количественно распространенной формой. В сюжетах «Правды» 1946–1953 гг. понятие *благосостояние населения* (народа) в 70 % случаев употребляется именно в контексте данной связки (подчеркивающей его вторичность по отношению к благосостоянию государства).

В виде аналогичных причинно следственных цепочек раскрывается взаимосвязь в системе *труд — благосостояние граждан*. Неотъемлемым звеном-посредником здесь выступает государство: «Каждый советский человек... поймет: чем лучше он будет трудиться, чем лучше он будет выполнять свои производственные планы — тем богаче будет наша страна, тем быстрее она

преодолеет послевоенные трудности, тем обеспеченнее и культурней будет жизнь вашего народа»³⁶.

Тезис о неперенности государственного участия в повышении благосостояния населения поддерживается и путем популяризации практик награждения граждан за трудовые заслуги. Сюжеты, посвященные награждению и премированию граждан, публикуются фактически в каждом номере газеты. Лауреаты и награжденные фигурируют на страницах «Правды» как герои интервью, заметок, очерков и авторы статей (в рамках реализованной выборки зафиксировано более 700 упоминаний различных званий, премий и наград). При освещении факта присуждения Сталинской премии в газете указывались не только имя и заслуги награжденного, но и сумма премии (150, 100 или 50 тыс. руб.). Широкая популяризация практик государственного премирования усиливала презентуемую идею зависимости доходов населения от государственного участия. В сознании граждан формировалось отношение к государственным премиям как к престижному и достижимому способу улучшения личного материального благосостояния, неперенным условием которого выступает выполнение поставленных государством трудовых задач.

Конструируемый на страницах «Правды» 1946–1953 гг. образ «правильной» трудовой деятельности советского человека определялся посредством категорий различной природы. Часть из них становилась проекцией политического дискурса, мобилизующего население на выполнение конкретных экономических задач (*выполнение планов, производительность труда, социалистическое соревнование*). Другие категории выступали проявлением советского соцреалистического канона, в рамках которого проблематика труда романтизировалась и героизировалась (*долг, подвиг, героизм, борьба, радость, счастье*).

«Правильная» трудовая деятельность советского человека характеризовалась выполнением (перевыполнением) норм и обязательств, высокоскоростной интенсивностью и колоссальной производительностью. Достижение трудовых результатов осуществлялось посредством максимального физического и духовного напряжения человека, граничащего с самоотречением. Апогеем реализации деятельностной стратегии советского человека был трудовой подвиг, осуществление которого представляло собой не только профессиональное достижение, но и пример преодоления психофизических пределов человеческого бытия. Труд не был внешней практикой по отношению к векторности жизнедеятельности человека, составляя саму суть его жизни, являясь областью профессиональной реализации, личностного роста и источником радости и счастья. Посредством трудовых практик устанавливалась взаимосвязь советского человека с коллективом, фиксируемая и на практическом уровне — в процессе совместного труда, и на уровне глобальном — как вклад каждого в общее дело. Основными мотивациями «правильного» труда выступали трудовой «долг» и «благополучие Родины», в то время как личные материальные интересы выносились за скобки одобряемых целей трудовой деятельности.

Структурные элементы образа эталонной трудовой стратегии, конструируемой на страницах издания, сохраняются на протяжении всего исследуемого периода. Но предпринятый контент-анализ текстов «Правды» позволил увидеть

определенные количественные и качественные изменения употребления выделенных лексических форм.

Период с 1946 по март 1953 г. характеризуется высочайшей интенсивностью употребления отдельных категорий и групп лексических форм, содержательно связанных с интенсивностью, напряжением и результативностью трудовой деятельности. Их максимальная количественная насыщенность обнаруживается в 1947–1949 гг. Наиболее высокий уровень востребованности понятий *радость* и *счастье* в «трудовых» сюжетах «Правды» фиксируется в 1949–1951 гг. Хронологическое расхождение интенсивности использования категорий мобилизационной риторики и эмоционально-позитивных коннотаций труда позволяет предположить, что хотя топоры *труд-подвиг* и *труд-радость* были частями общей системы эталонных трудовых практик советского населения, их актуализация в дискурсе отличалась последовательным «включением», обусловленным экономическими задачами государства. В первые годы четвертной пятилетки, основной задачей которой стало восстановление народного хозяйства, большей востребованностью в риторике дискурса отличались мобилизационные лексические формы. В конце 1940-х — начале 1950-х годов, когда по ряду экономических показателей СССР выходит на довоенный уровень, интенсивность использования мобилизационной лексики снижается, а востребованность эмоционально-позитивных коннотаций труда повышается.

В период с середины марта по декабрь 1953 г. фиксируются определенные изменения в презентации на страницах издания образа «правильной» трудовой деятельности советского населения. Во-первых, происходит значительное снижение уровня эмоциональности и экстремальности в описании трудовых практик граждан. Это приводит к значительному снижению экспрессивности текстов трудовой тематики, которая ранее создавалась акцентированной героикой трудовых подвигов и экзальтацией трудового счастья. Во-вторых, сильно увеличивается количество обращений к теме материальных *доходов* и заработной платы населения. Приводятся данные, отображающие положительную динамику роста доходов граждан, публикуются их суждения об изменениях личного материального положения. Характерно, что обращение к проблеме доходов на страницах издания реализуется вне связи с тематикой премирования и награждения граждан за выдающиеся трудовые заслуги. В результате происходит ослабление ранее конструируемой на страницах «Правды» взаимосвязи объема личных доходов трудящихся от адресного государственного участия. В-третьих, в большей степени востребовано понятие *благосостояние*. В 1953 г. в газете появляется новая рубрика «На экономические темы», где публикуются статьи, посвященные проблематике продовольственного обеспечения и бытового обслуживания граждан, авторами которых были директора предприятий, руководители Госплана и т. п. Если ранее упоминание о благосостоянии населения понималось как вторичное по отношению к уровню благосостояния государства, то в сюжетах «Правды», опубликованных во II–IV кварталах 1953 г., благосостояние граждан начинает рассматриваться автономно от общего благополучия государства безотносительно к уровню его возможностей. В ранее оформившейся в дискурсе системе *благосостояние государства — благо-*

состояние народа устанавливается скорее обратная взаимосвязь, в рамках которой улучшение материального благосостояния населения начинает декларироваться в качестве основной задачи государства: «Максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей трудящихся — вот цель социалистического производства. Вся деятельность Коммунистической партии и Советского государства направлена на умножение материальных и духовных богатств... в интересах человека, в интересах удовлетворения его материальных и культурных потребностей»³⁷. Несмотря на усиление востребованности на страницах издания проблематики материальных доходов, личное благосостояние не начинает трактоваться как «правильная» мотивация труда советского человека.

Зафиксированные посредством количественного и качественного анализа материалов «Правды» изменения в презентации образа «правильной» трудовой деятельности советского населения, произошедшие в период с марта по декабрь 1953 г., иллюстрируют трансформации социальной политики того периода. Улучшение материального благосостояния граждан начинает декларироваться в качестве приоритетной задачи государства³⁸. Об обязанности правительства «неослабно заботиться о благе народа, о максимальном удовлетворении материальных и культурных потребностей» говорит Маленков в докладе на четвертой сессии Верховного Совета СССР 15 марта 1953 г.³⁹ В докладе Хрущева на пленуме ЦК КПСС 28 сентября 1953 г. повышение уровня жизни обозначается в качестве приоритетной задачи социальной политики⁴⁰.

Подведем итоги. Образ «правильной» трудовой деятельности советского населения, конструируемый на страницах «Правды» посредством определенных категорий и лексических форм, претерпевает в 1946–1953 гг. *количественные* и *качественные* изменения. В *количественном* плане первые послевоенные годы характеризовались большей востребованностью категорий мобилизационной риторики, акцентирующих выполнение нормативных показателей труда и героизирующих трудовую проблематику. В начале пятой пятилетки в эталонной трудовой стратегии были более выражены коннотации труда-радости, труда-счастья, а во II–IV кварталах 1953 г. в трудовых сюжетах увеличивается количество обращений к проблемам доходов и благосостояния граждан. В контексте *качественной* динамики образа «правильного» труда населения, ставшей следствием смены политической конъюнктуры в 1953 г., отмечаются следующие изменения: повышение материального благосостояния населения начинает трактоваться как первостепенная и важная задача государства, не детерминированная возможностями и экономическим потенциалом страны, а также объемом личного трудового вклада трудящегося.

Произошедшая качественная корректировка образа нормализованной трудовой стратегии населения впоследствии оказала существенное влияние на изменение психологических паттернов и социальных ожиданий советских граждан, скорректировав их суждения об объеме «должных» благ, предоставляемых государством, а также представления о необходимости и весомости личного трудового вклада в дело государственного строительства.

¹ См. об этом: *Клинова М.А., Трофимов А.В.* Модели трудовой мобилизации молодежи (по материалам журнала «Смена» 1946–1953 гг. // Уральский исторический вестник. 2018. № 4(61). С. 55–62; *Кускова С.А.* Освещение первого визита Н.С.Хрущева в США американскими и советскими газетами (на примере «Нью-Йорк Таймс» и «Правды») // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т.24, № 2. С.64–68; *Логунова М.А.* Образ как средство пропаганды на примере «сталинского кино» // Век информации. 2018. Т.2, № 2. С.290–292; *Петрушин Ю.А., Шилова О.С.* СМИ как инструмент информационно-пропагандистской политики во время Гражданской войны в Сибири // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т.8, № 1. С.72–80.

² Обращения ЦК ВКП (б) ко всем избирателям в связи с выборами в Верховный Совет СССР (2 февраля 1946 г.) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1986: в 15 т. 9-е изд. Т.8. М., 1985. С.14.

³ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства РСФСР на 1946–1950 гг. // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР: в 5 т. Т.5: 1946–1948. М., 1949. С.23–50.

⁴ Правда. 1946. 15 июля. С.1.

⁵ Там же. 1950. 1 марта. С.3.

⁶ Там же. 1951. 2 февр. С.1.

⁷ *Сталин И.В.* Соревнование и трудовой подъем масс (11 мая 1929 г.) // Сталин И.В. Сочинения: в 18 т. Т.12. М., 1949. С.110.

⁸ Правда. 1949. 15 дек. С.2.

⁹ Там же. 1950. 15 сент. С.1.

¹⁰ Там же. 1951. 1 янв. С.2.

¹¹ Там же. 1947. 1 мая. С.2.

¹² Там же. 1950. 15 марта. С.5.

¹³ См. об этом: *Купина Н.А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995. С.60–77; *Сальникова Е.В.* Советская культура в движении: от середины 1930-х к середине 1980-х. Визуальные образы, герои, сюжеты. 2-е изд. М., 2010. С.64–65.

¹⁴ Правда. 1947. 2 апр. С.2.

¹⁵ Там же. 1950. 1 янв. С.1.

¹⁶ Там же. 1948. 1 мая. С.1.

¹⁷ *Сальникова Е.В.* Советская культура в движении. С.64–69.

¹⁸ Правда. 1951. 1 янв. С.2.

¹⁹ *Калинин И.* Нам смех и строить и жить помогает (политэкономия смеха и советская музыкальная комедия, 1930-е годы) // Totalitarian Laughter: Images — Sounds — Performers. A Special Issue of Russian Literature / eds S. Oushakine, D. Ioffe. 2013. Vol. 74, no. 1–2. P. 119–140.

²⁰ Правда. 1950. 15 февр. С.3.

²¹ Там же. 1949. 1 мая. С.2.

²² Там же. 1950. 15 июля. С.5.

²³ Там же. 1952. 1 мая. С.1.

²⁴ Там же. 1949. 1 авг. С.2.

²⁵ Там же. 1950. 1 янв. С.3.

²⁶ Там же. 1953. 1 янв. С.1.

²⁷ Там же. 1950. 1 февр. С.2.

²⁸ Там же. 1948. 1 янв. С.3.

²⁹ Там же. 1950. 1 янв. С.1.

³⁰ Там же. 1 марта. С.3.

³¹ Там же. 1949. 1 марта. С.1.

³² Там же. 1950. 1 марта. С.1; 1951. 1 марта. С.1; 1952. 1 апр. С.1; 1953. 1 апр. С.1.

³³ Там же. 1952. 1 авг. С.2; 1952. 15 нояб. С.1.

³⁴ Там же. 1951. 15 дек. С.1.

³⁵ Там же. 1949. 1 марта. С.2.

³⁶ Там же. 1946. 16 окт. С.1.

³⁷ Там же. 1953. 1 мая. С.1.

³⁸ См. об этом: Григорьева А. Г. Становление государственной политики СССР в 1953–1964 гг. // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 277; Гуменюк А. А. Эволюция социальной политики Советского государства // Известия Саратовского ун-та. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 152–155.

³⁹ Четвертая сессия Верховного Совета СССР. 15 марта 1953 г. М., 1953. С. 15.

⁴⁰ Хрущев Н. С. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. Доклад на Пленуме ЦК КПСС. 3 сентября 1953 г. М., 1954. С. 10–15.

Статья поступила в редакцию 16 ноября 2017 г.
Рекомендована в печать 5 марта 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Клинова М. А. Эволюция образа трудовой деятельности населения в газете «Правда» (1946–1953 годы) // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 2. С. 468–482.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.213>

УДК 93.316.6.331.1

Аннотация: В статье рассматриваются содержание и специфика образа эталонной трудовой деятельности советского населения, конструируемой на страницах газеты «Правда» в 1946–1953 гг. Использование количественных (контент-анализ) и качественных (дискурс-анализ) методов обработки текстов позволило выявить эксплицитную и имплицитную динамику презентуемого образа трудовой деятельности населения в указанный период. Для обработки текстов «Правды» использована частотная выборка: два выпуска в месяц (1-й и 15-й выпуски каждого месяца). Общее количество рассмотренных материалов издания составляет 192 выпуска. Анализ позволил прийти к выводу, что «правильная» трудовая стратегия населения, оформившаяся в СССР в 1930-е годы и сохранившаяся на протяжении 1940-х годов, характеризовалась самоотверженным и радостным трудом на благо Родины. Личное благосостояние граждан определялось его тесной зависимостью от благополучия Родины, являющегося первостепенным по отношению к личным благам. В 1953 г. в результате смены политической конъюнктуры и изменения вектора социальной политики фиксируется корректировка одобряемой трудовой стратегии населения. Происходит снижение уровня трудовой экстремальности, героизма и трудовой радости, переживаемой человеком в процессе труда. В качестве нормализованного результата (но не мотива) трудовой деятельности выступает повышение личных доходов граждан. Объемы доходов не детерминировались возможностями государства и весомостью личного трудового вклада трудящегося. Забота о повышении благосостоянии населения начинает трактоваться как первостепенная и важнейшая задача страны.

Ключевые слова: труд, газета, *Правда*, социалистическое соревнование, трудовой долг, благосостояние населения, поздний сталинизм.

Сведения об авторе: Клинова М. А. — канд. ист. наук, доц., Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия); klinowa.m@yandex.ru

Уральский государственный экономический университет, Россия, 620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62

FOR CITATION

Klinova M. A. 'The Evolution of the Image of Labor Activity of the Population in "Pravda" (1946–1953)', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 2, 2020, pp. 468–482.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.213> (In Russian)

Abstract: This article deals with the reconstruction of the content and specificity of the image of standard labor activity in the USSR as constructed in the newspaper *Pravda* from 1946 to 1953. The use of quantitative and

qualitative methods (content analysis and discourse analysis) reveals explicit and implicit dynamics of this formal image of labor. The first and fifteenth editions from each month were sampled for a total of 192 issues. The analysis concludes that “correct” employment strategy of the population, as it was developing in the USSR in the 1930s and was preserved during the 1940s, included selfless and joyful labor for the good of the Motherland. The welfare of private citizens was shaped by its close dependence on the country’s welfare, which was paramount in relation to personal benefits. Changes in the political situation and trajectory of policies in 1953 led to shifts in labor policy, including a decrease labor complexity, heroism, and labor of joy experienced in the labor process. One result of (but not motive for) the normalization of labor was a rise in personal incomes, and income was not determined by the capabilities of the state or the worker’s overall labor contribution. Concern for improving the welfare of the population was increasingly interpreted as the country’s primary task.

Keywords: labor, newspaper, *Pravda*, socialist competition, labor duty, population welfare, late Stalinism.

Author: *Klinova M. A.* — PhD, Associate Professor, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia); klinowa.m@yandex.ru

Ural State University of Economics, 62, ul. 8 Marta, Ekaterinburg, 620144, Russia

References:

- Grigorieva A. G. ‘The formation of state policy of the USSR in 1953–1964’, *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 7, 2011. (In Russian)
- Gumenyuk A. A. ‘The evolution of the social policy of the Soviet state’, *Izvestiia Saratovskogo universiteta, Ser. Istorii. Mezhdunarodnye otnosheniia*, vol. 16, no. 2, 2016. (In Russian)
- Kalinin I. ‘Laughter helps us to build and live (political economy of laughter and Soviet musical comedy, 1930s’, *Totalitarian Laughter: Images — Sounds — Performers. A Special Issue of Russian Literature*, eds S. Oushakine, D. Ioffe, vol. 74, no. 1–2, 2013. (In Russian)
- Khrushchev N. S. *On measures for the further development of the rural USSR. Report at the plenum of the Central Committee of the CPSU. September 3, 1953* (Moscow, 1954). (In Russian)
- Klinova M. A., Trofimov A. V. ‘Models of labor mobilization of youth (based on materials from “Smena” magazine, 1946–1953)’, *Uralskii istoricheskii vestnik*, no. 4(61), 2018 (In Russian)
- Kupina N. A. *Totalitarian Language: Vocabulary and Speech Reactions* (Ekaterinburg — Perm’, 1995). (In Russian)
- Kuskova S. A. ‘Covering the first visit of N. S. Khrushchev in the USA by American and Soviet newspapers (on the example of the “New York Times” and “Pravda”)’, *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 24, no. 2, 2018 (In Russian)
- Logunova M. A. ‘Image as a means of propaganda on the example of “Stalin’s cinema”’, *Vek informatsii*, vol. 2, no. 2, 2018. (In Russian)
- Petrushin Y. A., Shilova O. S. ‘Media as an instrument of information and propaganda policy during the Civil War in Siberia’, *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, vol. 8, no. 1, 2019. (In Russian)
- Salnikova E. V. *Soviet culture in motion: from the mid-1930s to the mid-1980s. Visual images, heroes, plots* (Moscow, 2010). (In Russian)

Received: November 16, 2017

Accepted: March 5, 2020